

Francis Scott
FITZGERALD
1896 — 1940

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

*Издержки
хорошего
воспитания*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф 66

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Александры Глебовской,
Елены Калявиной, Елены Петровой, Сергея Сухарева

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © А. Глебовская, перевод, 2012
- © Е. Калявина, перевод, 2012
- © Е. Петрова, перевод, 2012
- © Л. Брилова, перевод, 2012
- © С. Сухарев, перевод, 2012
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-06177-4

ПРИБРЕЖНЫЙ ПИРАТ

I

Эта невероятная история начинается в море, голубом, словно мечта; оно поблескивало, как голубые шелковые чулки, под куполом неба, голубым, точно детский взгляд. С западной стороны этого купола солнце бросало в морскую зыбь мелкие золотистые кругляши; если внимательно приглядеться, можно было увидеть, как они, перепрыгивая с одного бурунчика на другой, в полумиле от берега собираются в широкое золотое монисто, чтобы с течением времени превратиться в ослепительный закат. Где-то на полпути между побережьем Флориды и этим золотым ожерельем стояла на рейде белая паровая яхта, очень изящная и свежая, а под бело-голубым палубным тентом девушка с соломенными волосами, полулежа на плетеном канapé, читала «Восстание ангелов» Анатоля Франса.

Лет девятнадцати от роду, была она стройной и гибкой, с капризным чарующим ротиком и пытливым взглядом живых серых глаз. Голубые атласные туфли, небрежно болтавшиеся на одних мысках, не столько скрывали, сколько украшали ее босые ступни, закинутые на подлокотник соседнего канapé. В руке она держала половинку лимона и за чтением то и дело слегка прикладывалась к ней губами. Первая половинка, выжатая досуха, валялась у нее под ногами и с величайшей деликатностью покачивалась из стороны в сторону — в такт едва ощутимо набегавшему приливу. Когда и во второй половинке почти не осталось мякоти,

а золотое ожерелье неимоверно вытянулось вширь, сонное безмолвие, окутавшее яхту, вдруг нарушилось тяжелой поступью: из сходного люка появился тщательно причесанный седой человек в белом фланелевом костюме. Он немного помедлил, чтобы глаза привыкли к солнцу, а потом, найдя взглядом девушку под тен-том, забормотал нечто монотонно-неодобрительное. Если таким способом он намеревался добиться какого-нибудь отклика, то его ожидало разочарование. Девушка невозмутимо перелистнула две страницы разом, одну вернула назад, машинально поднесла к губам лимон, а потом едва различимо, но совершенно недвусмысленно зевнула.

— Ардита! — сурово позвал седовласый господин.

Ардита издала тихий, ничего не значащий звук.

— Ардита! — повторил он. — Ардита!

Ардита томно подняла перед собой лимон, и с ее язычка, еще не коснувшегося мякоти, слетели три слова:

— Прошу, закрой рот.

— Ардита!

— Ну что еще?

— Ты готова меня выслушать или прикажешь позвать стюарда, чтобы он тебя подержал, пока я буду говорить?

Лимон медленно и презрительно поплыл вниз.

— Изложи в письменном виде.

— Не могла бы ты для приличия закрыть эту мерзкую книгу и отложить свой проклятый лимон — хоть на минуту?

— А ты не мог бы оставить меня в покое — хоть на секунду?

— Ардита, мне только что телефонировали с берега...

— Телефонировали? — Она впервые проявила какое-то подобие интереса.

— Да, насчет того, чтобы...

— Не хочешь ли ты сказать, — перебила она, оживляясь, — что тебе разрешили протянуть сюда провод?

— Да, и только что...

— А другие яхты за него не зацепятся?

— Нет. Кабель проложен по дну. Пять мин...

— Вот это да! Супер! Все науки — от скуки, или как там говорится?

— Может, ты позволишь мне закончить?

— Выкладывай!

— Ну, похоже, что... что я сюда... — Он умолк и пару раз нервно сглотнул. — Так вот, юная леди. Полковник Морленд звонил вторично: просит во что бы то ни стало привезти тебя к ужину. Его сын Тоби ради знакомства с тобой не поленился прилететь из Нью-Йорка; будут и другие молодые люди. Последний раз спрашиваю: ты согласишься...

— Нет, — отрезала Ардита, — ни за что. Я отправилась в это гнусное плавание с единственной целью — попасть в Палм-Бич, и своих намерений не скрывала, а потому я решительно отказываюсь встречаться с каким-то гнусным стариканом-полковником, с его гнусным сыночком Тоби, с какими-то гнусными юнцами — ноги моей не будет ни в одном городишке этого очумелого штата. Так что либо вези меня в Палм-Бич, либо замолчи и скройся.

— Отлично. С меня хватит. Увлечение этим человеком, который известен только скандальными выходками, человеком, которому твой отец не позволил бы даже произносить твое имя, бросает на тебя тень полусвета и отрезает от того круга, в котором, как принято считать, ты выросла. Отныне...

— Знаем, знаем, — иронично перебила Ардита, — отныне ты пойдешь своей дорогой, а я — своей. Слышали. Пойми: я только об этом и мечтаю.

— Отныне, — высокопарно провозгласил он, — ты мне больше не племянница! Я...

— О-о-о-ох! — Этот стон вырвался у Ардиты агонией грешной души. — Хватит нудить! Исчезни, сделай одолжение! Прыгни за борт и утопись! Или я сейчас запущу в тебя книгой!

— Только посмей...

Вжик! «Восстание ангелов» взмыло в воздух, прошло на расстоянии точеного носика от цели и с готовностью нырнуло в люк.

Седовласый господин невольно попятился, а потом сделал два осторожных шажка вперед. Ардита, с вызовом глядя на него горящими глазами, вскочила и вытянулась во все свои пять футов и четыре дюйма¹:

— Не подходи!

— Что ты делаешь? — вскричал он.

— Что хочу, то и делаю!

— Ты стала совершенно несносной! С таким характером...

— Это все из-за тебя! Если у ребенка портится характер, виной тому родня! Да, я такая по твоей милости.

Бормоча что-то себе под нос, ее дядюшка развернулся и на ходу громогласно приказал спустить шлюпку. После этого он возвратился к тенту, под которым Ардита, занявшая прежнее место, сосредоточенно изучала лимон.

— Сейчас я сойду на берег, — с расстановкой произнес он. — Потом отбуду вторично, в девять вечера. Когда вернусь, мы пойдем обратным курсом в Нью-Йорк, там я с рук на руки передам тебя твоей тете — и пусть дальше все катится естественным, точнее, противоестественным путем.

Не сводя с нее глаз, он сделал паузу, и тут что-то неувловимое в ее детской еще красоте словно выпустило

¹ То есть 163 см.

воздух из его злости, как из проколотой шины, так что он в одночасье лишился непреклонности, уверенности и даже здравомыслия.

— Ардита, — воззвал он без прежней суровости, — я же не глупец. Я прожил долгую жизнь. И знаю людей. Дитя мое, от распутства может спасти только пресыщенность, но пресыщенный человек — это пустая шелуха. — Он помолчал, будто в надежде на подтверждение, но, не получив ни звука, ни знака согласия, продолжил: — Наверное, твой избранник любит тебя — все возможно. Он любил многих женщин и на этом не остановится. Всего лишь месяц назад, даже меньше, Ардита, он еще крутил интрижку с этой рыжей девицей, Мими Меррил; сулил ей бриллиантовый браслет, который российский император заказал для своей матери. Ты ведь читаешь газеты.

— Душесипательные истории от заботливого дядюшки, — зевнула Ардита. — Тебе бы сценарии писать. Испушенный светский лев заигрывает с невинной попрыгуньей. Невинная попрыгунья заморожена его бурным прошлым. Рвется к нему на свидание в Палм-Бич. Но заботливый дядюшка не дремлет.

— Объясни: почему тебе приспичило выйти за него замуж?

— Так сразу не объяснить, — задумалась Ардита. — Возможно, причина в том, что этот человек, хорош он или плох, — единственный из моих знакомых, кто наделен воображением и имеет смелость придерживаться собственных принципов. Возможно, причина в том, что я смогу наконец избавиться от желторотых юнцов, которые не находят ничего лучше, чем таскаться за мной по всей стране. А пресловутый русский браслет пусть тебя не волнует. В Палм-Бич эта вещь будет подарена мне — если, конечно, ты проявишь хоть каплю здравого смысла.

— А как же та рыжеволосая?

— Он уже полгода с ней не встречается! — гневно выпалила Ардита. — Не думаешь ли ты, что я бы такое стерпела? Черт возьми, неужели до тебя еще не дошло, что я могу из мужчин веревки вить?

Вздернув подбородок, она сделалась похожей на статую «Мятежная Франция»¹, но слегка подпортила это впечатление, когда занесла на изготовку лимон.

— Уж не русский ли браслет тебя прельщает?

— Нет, я всего лишь привожу такие доводы, которые доступны твоему пониманию. И жду не дождусь, чтобы ты исчез. — Она снова начала злиться. — Ты же знаешь: я не меняю своих решений. Трое суток ты меня изводишь, я скоро рехнусь. На берег я не собираюсь! И точка! Понятно? Мне там делать нечего!

— Ладно, — сказал он, — значит, и в Палм-Бич тебе делать нечего. Даже самая эгоистичная, избалованная, своенравная, вздорная, невыносимая девчонка...

Шмяк! Половинка лимона угодила ему в шею. Одновременно с другого борта доложили:

— Шлюпка готова, мистер Фарнэм.

Переполюснутый гневом и недосказанностью, мистер Фарнэм испепелил взглядом племянницу и, отвернувшись, начал быстро спускаться по трапу.

II

Шестой час пополудни оторвался от солнечного диска и беззвучно рухнул в море. Золотое монисто выросло в сверкающий остров, а легкий бриз, что играл кромкой тента и раскачивал голубые туфельки, вдруг принес песню. Ее выводил мужской хор в точном рит-

¹ Семиметровая аллегорическая статуя, изображающая королеву-воительницу, работы американского скульптора Джо Дэвидсона (1883–1952). Ему же принадлежит карандашный портрет Анатоля Франса, хранящийся в собрании Гарвардского университета.

ме и полной гармонии с ударами весел, разрезавших голубую бездну. Вскинув голову, Ардита прислушалась.

Моркови пучок,
Гороха стручок,
Свиной пяточок,
Горсть фасоли,
Пришлите мне бриз,
Пришлите мне бриз,
Пришлите мне бриз
С вольной воли.

В изумлении Ардита наморщила лоб. Она замерла, чтобы не пропустить второй куплет.

Перец и тмин,
Маршалл и Дин,
Гольдберг и Грин,
И Бертолли!
Пришлите мне бриз,
Пришлите мне бриз,
Пришлите мне бриз
С вольной воли.

Ахнув, она выронила роман, который распластался на палубе, и поспешила к борту. Футак в пятидесяти прямо в ее сторону разворачивалась большая гребная лодка с командой из семи человек: шестерки гребцов и кормчего, который стоя размахивал дирижерской палочкой.

Медузы, рачки,
Опилки, носки,
Кларнет из доски,
Дубль-бемоли...

Внезапно дирижер устремил взгляд на Ардиту: она свесилась через борт, одержимая любопытством. По мановению палочки песня смолкла. Тут Ардита заметила, что на этом суденышке дирижер — единственный белый человек: на веслах сидела шестерка чернокожих.

— Приветствуем «Нарцисс»! — уважительно поздоровался он.

— Что за вопли? — живо откликнулась Ардита. — Заплыв на ялах для умственно отсталых?

Лодка уже притерлась к борту, и сидевший на носу верзила обернулся, чтобы ухватиться за веревочный трап. Дирижер оставил свой пост на корме; не успела Ардита сообразить, что к чему, как он взлетел по трапу и, переводя дыхание, застыл на палубе.

— Женщин и детей не трогать! — отрывисто скомандовал он. — Орущих младенцев — за борт, мужчин — в кандалы!

От волнения сунув кулачки в карманы платья, Ардита лишилась дара речи.

Перед ней стоял молодой человек с презрительным изгибом губ и голубыми, по-детски ясными глазами на загорелом чутком лице. Иссиня-черные от влаги кудри наводили на мысль о потемневшем изваянии греческого бога. Ладно сложенный, ладно одетый, подтянутый, он смахивал на стремительного нападающего футбольной команды.

— Обалдеть! — вырвалось у нее помимо воли.

У обоих глаза сверкнули холодом.

— Вы капитулируете?

— Упражняетесь в остроумии? — вспылила Ардита. — Вы что, не в себе? Или у вас обряд посвящения в братство?

— Я спрашиваю: вы капитулируете?

— Мне казалось, у нас в стране сухой закон, — пренебрежительно заметила Ардита. — Что вы пили — лак для ногтей? Убирайтесь подобру-поздорову!

— Что-что? — Он не поверил своим ушам.

— Что слышали! Убирайтесь прочь!

Он ненадолго задержал на ней взгляд, будто обдумывая ее слова.

— Еще чего, — выговорили его презрительные губы, — я отсюда ни ногой. Сами убирайтесь, коли есть желание.

Подойдя к борту, он отдал краткий приказ; вся команда без промедления вскарабкалась по веревочному трапу и выстроилась в шеренгу: угольно-черный верзила на правом фланге, коротышка-мулат — на левом.

Форма одежды на первый взгляд была у них примерно одинакова: какие-то голубые робы с бахромой из пыли, глины и лохмотьев; у каждого за спиной болталась небольшая, но, похоже, увесистая белая котомка; под мышкой каждый держал громоздкий черный футляр, в каких носят музыкальные инструменты.

— Смир-р-но! — скомандовал главный, браво щелкнув каблуками. — Направо равняйся! Вольно! Бейб, выйти из строя!

Смуглый коротышка сделал шаг вперед и козырнул:

— Йес-сэр.

— Слушай мою команду: спуститься в кубрик, экипаж обезвредить, всех связать, кроме судового механика. Этого доставить ко мне. Да, вещмешки сложить вдоль борта.

— Йес-сэр.

Бейб снова взял под козырек и жестом подозвал к себе остальных. После краткого приглушенного совещания они по одному бесшумно спустились в сходной люк.

— Итак, — бодро заговорил командир, обращаясь к Ардите, которая в бессильном молчании созерцала последнюю сцену, — если ты поклянешься своей честью — видимо, честь эмансипированной девицы стоит не слишком дорого, — что будешь двое суток держать свой острый язычок за зубами, то пересядешь в нашу лодку и начнешь грести к берегу.

— А если нет?

— А если нет — наймешься на какую-нибудь посудину и уйдешь в море.

С легким вздохом облегчения, как будто миновав опасный рубеж, молодой человек опустился на канapé, где совсем недавно нежилась Ардита, и вальяжно потянулся. Уголки его рта оценивающе поползли вверх, когда он стал разглядывать броский полосатый тент, надраенную латунь, дорогую обшивку. Взгляд его упал на книгу, потом на безжизненный лимон.

— Угу, — хмыкнул он. — Джексон Каменная Стена¹ утверждал, что лимон прочищает мозги. Надеюсь, у тебя мозги прочистились?

Ардита не снизошла до ответной колкости.

— Потому что тебе дается ровно пять минут, чтобы принять однозначное решение: уйти или остаться.

Из любопытства он раскрыл поднятую с палубы книгу:

— «Восстание ангелов». Занятно. Неужели французский роман? — В его взгляде появился новый интерес. — Ты француженка?

— Нет.

— Как там тебя?

— Фарнэм.

— Фарнэм... А по имени?

— Ардита Фарнэм.

— Вот что, Ардита, прекрати втягивать щеки. От нервных привычек следует избавляться в юности. Подойди-ка сюда, присядь.

Ардита выудила из кармана резной нефритовый портсигар, извлекла сигарету и с расчетливым хладнокровием закурила, хотя и не смогла унять легкую дрожь

¹ Генерал Томас Джонатан Джексон (1824–1863) по прозвищу Каменная Стена (*англ.* Stonewall) — один из виднейших военачальников южан в Гражданской войне Севера и Юга. Командование ставило в пример другим его бригаду, которая стояла «как каменная стена».

в руках; после этого она пружинистой, мягкой походкой двинулась вперед, села на свободное канапе и выпустила дым прямо в купол тента.

— С этой яхты меня не снимет никто, — твердо заявила она, — и если ты думаешь иначе, то у тебя нелады с головой. К половине седьмого мой дядя разошлет радиogramмы всем судам.

— Хм.

Она стрельнула взглядом и поймала неприкрытую печать тревоги в едва заметных ямочках по углам его рта.

— Мне-то все равно. — Ардита пожала плечами. — Яхта не моя. Почему бы не отправиться в круиз часика на два? А книгу возьми себе, чтобы не скучать на таможенном корабле, который доставит тебя прямоком в «Синг-синг».

Он презрительно хохотнул:

— Не утруждай себя советами. У меня все было продумано задолго до того, как я узнал про эту яхту. Не одна, так другая — мало ли их стоит на рейде.

— Кто ты такой? — спросила вдруг Ардита. — И чем промышляешь?

— Не надумала отправиться на берег?

— Еще чего.

— Наша семерка довольно широко известна, — сказал он, — «Кертис Карлайл и шестеро смуглых друзей», гвоздь программы в «Зимнем саду» и в «Полуночных забавах».

— Так вы поете?

— До сегодняшнего дня пели. А теперь скрываемся от правосудия, и все из-за этих белых мешков; если награда за нашу поимку не достигла двадцати тысяч долларов, значит я потерял нюх.

— А что в мешках? — Ардита сгорала от любопытства.

— Ну, — протянул он, — скажем так: грунт, флоридский грунт.

III

Кертис Карлайл провел беседу с перепуганным до смерти судовым механиком, и через десять минут яхта «Нарцисс», снявшись с якоря, легла курсом на юг в пьянящих тропических сумерках. Коротышка-мулат Бейб, который, судя по всему, пользовался тайным доверием Карлайла, принял командование на себя. Личный стюард мистера Фарнэма и яхтенный кок (из всего экипажа на борту оставались, не считая механика, только эти двое) оказали сопротивление, но успели об этом пожалеть, когда их скрутили в кубрике и надежно привязали к их собственным койкам. Тромбон Моуз, чернокожий здоровяк, получил приказ найти краску, замазать название «Нарцисс» и вместо него вывести на борту «Хула-Хула»; остальные сгрудились на корме и азартно играли в кости. Распорядившись, чтобы ужин был сервирован на палубе к половине восьмого, Карлайл опять присоединился к Ардите, откинулся на спинку плетеного канапе, прикрыл веки и впал в состояние отрешенности.

Ардита внимательно пригляделась и сразу записала его в романтики. Он создавал видимость немалого апломба, воздвигнутого на хлипком фундаменте: за каждым его заявлением крылась нерешительность, явно вступавшая в противоречие с надменным изгибом губ.

«А ведь он не таков, как я, — задумалась Ардита. — Вот только в чем разница?» Законченная эгоцентристка, она часто размышляла о себе; это выходило совершенно естественно и не давало ей повода усомниться в своем бесконечном обаянии, притом что ее эгоцентризм всегда принимался как должное. В свои девятнадцать лет она производила впечатление бойкого, не по годам развитого ребенка, и в лучах ее красоты и юности все известные ей мужчины и женщины оказы-

вались какими-то щепками, дрейфующими на волнах ее темперамента. Встречались ей и себялюбцы — вообще говоря, с ними было не так скучно, как с альтруистами, — но и среди этих не нашлось пока ни одного, кто устоял бы перед нею и не пал к ее ногам.

Хоть она и распознала себялюбие в том, кто сидел сейчас рядом, в голове у нее не захлопнулась привычная дверца, за которой оставались все преграды; напротив, интуиция подсказывала, что есть в этом человеке уязвимость и полная незащищенность. Когда Ардита бросала вызов условностям — в последнее время это стало ее любимой забавой, — ею двигало неутолимое желание быть собой, а этот новый знакомец, как она догадывалась, в противовес ей тяготился собственной дерзостью.

Он настолько завладел ее мыслями, что она даже забыла о своем незавидном положении, которое сейчас внушало ей не больше тревоги, чем поход на детский утренник в отроческом возрасте. У нее всегда было внутреннее убеждение, что с ней ничего не случится.

Сумерки сгустились. Бледный молодой месяц умильно смотрел на море; когда берег почти растворился в дымке, а вдоль далекого горизонта опавшими листьями полетели бурые тучи, яхта вдруг озарилась вспышкой лунного света, который сковал блестящей броней беспокойный кильватер. Когда на палубе закуривали сигарету, в темноте ярко вспыхивал огонек спички; ничто не нарушало тишину, кроме приглушенного урчания двигателей да плеска волн, догонявших корму, и яхта стала похожей на небесный корабль-призрак, что стремится к звездам. Ароматы ночного моря несли с собой неизбывную истому.

Наконец Карлайл нарушил молчание.

— Везет же некоторым, — вздохнул он. — Я всегда хотел быть богатым, чтобы купить такую красоту.

Ардита зевнула.

— Я бы с тобой поменялась, — честно сказала она.
— И поменяешься — на сутки с лишним. Надо сказать, ты довольно бесстрашна для эмансипированной девицы.

— Прекрати меня так называть.

— Виноват.

— А мое бесстрашие, — медленно выговорила она, — искупает недостаток многого другого. Я действительно не боюсь никого и ничего — ни на небе, ни на земле.

— Хм, мне бы так.

— Бояться, — сказала Ардита, — могут либо исполины-силачи, либо трусы. Я не отношусь ни к тем, ни к другим. — Немного помолчав, она с горячностью продолжила: — Но мне хочется узнать о тебе. Что ты натворил и как выкрутился?

— А тебе зачем? — бесцеремонно спросил он. — Собираешься написать про меня сценарий?

— Давай рассказывай, — поторопила она. — При луне обманывать легко. Выдумай что-нибудь похлеще.

Из темноты появился негр; он зажег гирлянду маленьких лампочек под палубным тентом и стал накрывать плетеный стол к ужину. Среди обильных запасов провизии нашлись ломтики жареной курицы, салат, артишоки, земляничный джем; за ужином Карлайл разговорился — поначалу скованно, затем, ободряемый ее вниманием, все свободнее. Ардита почти не прикасалась к закускам: она не сводила глаз с загорелого молодого лица — красивого, ироничного, слегка растерянного.

Как поведал ей собеседник, путь его начался в бедном квартале захолустного городка в штате Теннесси — настолько бедном, что, кроме их семьи, других белых в округе не было. Среди своих приятелей он тоже не припоминал ни одного белого, зато черные ребяташки, добрая дюжина, вечно ходили за ним хвостом — восторженные обожатели, покоренные его фантазией и

бесконечными проделками, в которые он их втягивал, но потом сам же и вызволял. По-видимому, эта привязанность и направила его музыкальные задатки в необычное русло.

Жила в том городке цветная женщина по имени Белль Поуп-Кэлхун; ее приглашали играть на пианино во время праздников для белых детей — для приличных белых детей, воротивших нос от Кертиса Карлайла. Но этот белый «голодранец» часами просиживал рядом с ней у пианино и тоненько подтягивал на свистульке казу, какая была у каждого парня. К тринадцати годам он обзавелся выдавшей виды скрипачкой, по слуху разучил веселый, заводной регтайм и стал играть в закусочных близ Нэшвилла. Прошло восемь лет, и регтайм свел с ума всю страну; тогда Карлайл сколотил группу из шестерых чернокожих и отправился с ними в турне по престижным ночным клубам для белых. Пятеро музыкантов были его друзьями детства; к ним примкнул коротышка-мулат Бейб Дивайн, который раньше перебивался случайными заработками в нью-йоркской гавани, а до этого батрачил на бермудских плантациях, пока не пырнул хозяина стилетом в спину. Карлайл закрепил свой успех и оказался на Бродвее; ангажементы посыпались со всех сторон, а денег привалило столько, что ему и не снилось.

Тогда-то с ним и начали происходить перемены, непонятные и горькие. Ему не давало покоя, что он растрчивает свои золотые годы, кривляясь с бандой чернокожих на потребу толпе. Состав у них был в своем роде оригинальный: три тромбона, три саксофона и флейта самого Карлайла; к тому же он обладал совершенно особым чувством ритма, выделявшим его из общего ряда, но, как ни странно, в нем проявилась обостренная гордость, он возненавидел эстраду, да так, что каждый выход давался ему кровью.

Деньги текли рекой: каждый новый контракт был выгоднее предыдущего, но всякий раз, когда он приходил к менеджерам и говорил, что хочет отделиться от черного секстета, чтобы начать сольную карьеру пианиста, его поднимали на смех и объявляли сумасшедшим — эта затея воспринималась как профессиональное самоубийство. Потом он уже потешался над этой фразой: «профессиональное самоубийство». Но так выражались поголовно все.

От случая к случаю они, зашибая по три тысячи за ночь, играли на закрытых вечеринках, и это его докучало. Такие вечеринки устраивались в клубах и частных домах, куда вход ему в другое время был заказан. Да и то сказать, он всего лишь играл роль дрессированной обезьяны, вечного статиста. Сама театральная атмосфера вызывала у него отвращение: запах румян и пудры, треп за кулисами, снисходительные хлопки в локти. Играть с душой он больше не мог. Его влекло роскошество свободной жизни, однако ее приход оказался удручающе медленным. Нет, конечно, с каждым днем желанный миг становился все ближе, но Карлайл, как ребенок, который слизывает мороженое по одной капле, не мог распробовать его на вкус.

Ему хотелось свободных средств и свободного времени, возможности читать и играть, общаться с людьми, каких рядом с ним никогда не бывало, потому что они его не замечали, а если замечали, то чурались, — короче говоря, его привлекало многое, что он обозначил для себя одним словом: «элитарность»; казалось, ее вполне можно было приобрести за деньги, да только не за те, что заработаны его ремеслом.

В ту пору ему стукнуло двадцать пять: ни семьи, ни образования, ни перспектив деловой карьеры. Он начал лихорадочно играть на бирже и за три недели спустил все до цента.

Потом грянула война. Он оказался в Платтсбурге, но ремесло шло за ним по пятам. Бригадный генерал

вызвал Кертиса в штаб и сказал, что стране будет от него больше пользы, если он станет дирижером; так и получилось, что всю войну он провел в тылу, где развлекал заезжих знаменитостей, управляя штабным оркестром. Может, оно и неплохо; только когда с фронта, ковыляя, возвращались пехотинцы, он бы дорого дал, чтобы оказаться среди них. Даже короста из пота и грязи виделась ему одной из тех неизъяснимых примет элитарности, которые никогда не давались в руки.

— Но закрытые вечеринки не прошли даром. После войны я взялся за прежнее ремесло. Нам поступило предложение от гостиничного синдиката во Флориде. Тогда это был только вопрос времени.

Карлайл осекся, и Ардита выжидающе посмотрела на него, но он покачал головой:

— Нет, проехали. Мне это слишком дорого; если я с кем-нибудь поделюсь, кайфа уже не будет. Хочу сохранить при себе восторг тех героических мгновений, когда я вышел вперед и всем показал, что я не какой-нибудь горластый шут.

С носовой части яхты вдруг донеслось негромкое пение. Негры сгрудились на баке, и голоса их сливались в удивительную мелодию, которая щемящими созвучиями взмывала к луне. Ардита слушала, затаив дыхание.

Пойдем,
Пойдем,
Мама, выведи меня на Млечный Путь.
Пойдем,
Пойдем.
Отец говорит: потом,
Но мама хочет рискнуть,
Да, мама хочет рискнуть!

Карлайл вздохнул и ненадолго умолк, разглядывая сонмы звезд, которые иллюминацией вспыхивали в теплом небе. Негритянскую песню сменил какой-то

приглушенный мотив; с каждой минутой вокруг будто прибывало яркости и великого безмолвия, и в конце концов он почти услышал, как прихорашиваются русалки, расчесывая под луной мокрые серебристые локоны и сплетничая друг с дружкой про свои покои — богатые корабли, затопленные в переливчато-зеленых глубинах.

— Пойми, — тихо заговорил он, — вот она, красота, которой мне недостает. Красота должна изумлять, поражать, она должна захватывать тебя, как наваждение, как пронзительный женский взгляд.

Он обернулся к ней, но она промолчала.

— Ты меня понимаешь, Анита... то есть Ардита?

И опять ни слова в ответ. Ардита сладко спала.

IV

На вторые сутки в тягучий от солнца полдень прямо по курсу возникла какая-то точка, которая мало-помалу превратилась в серо-зеленый островок, образованный, по всей видимости, гранитным утесом, плавно спускавшимся на протяжении мили под изумрудными лужайками и низкими зарослями к южной оконечности, где его сменял песчаный пляж, лениво принимавший ласки волн. Когда Ардита, сидя на своем излюбленном месте, дочитала «Восстание ангелов», захлопнула книгу и увидела это зрелище, она ахнула от восторга и позвала Карлайла, в задумчивости стоявшего у борта.

— Это оно и есть? Твое укрытие?

Карлайл равнодушно пожал плечами:

— Ты сама напросилась. — Повысив голос, он окликнул новоявленного шкипера: — Бейб, это и есть твой остров?

Из-за угла рубки выглянула кукольная голова мулата.

— Йес-сэр! Он самый!

Карлайл обратился к Ардите:

— Уголок что надо, верно?

— Верно, — согласилась она, — только спрятаться тут негде.

— Ты все ждешь, когда твой дядюшка начнет рассылать бесчисленные радиограммы?

— Нет, — откровенно призналась Ардита. — Я — за тебя. Просто хотелось бы посмотреть, как ты будешь выпутываться.

Он рассмеялся:

— Ты наша козырная карта. Думаю, нам придется оставить тебя при себе как талисман, хотя бы на первое время.

— Вы же не отправите меня обратно вплавь, — ледяным тоном сказала она. — Иначе я возьмусь писать бульварные романы о твоих проделках — ты мне довольно порассказал вчера вечером.

Вспыхнув, он слегка сжался:

— Извини, если утомил.

— Да нет, разве что в самом конце, когда стал возмущаться, что с тобой не танцуют дамочки, для которых ты играешь.

Он в сердцах вскочил:

— У тебя не язык, а жало.

— Ну, извини, — потеплев, она рассмеялась, — просто мужчины, особенно те, которые ведут убийственно платонический образ жизни, нечасто потчуют меня своими амбициями.

— Вот как? Чем же они тебя потчуют?

— Complimentами, — зевнула она. — Говорят, что я фея юности и красоты.

— И как ты отвечаешь?

— Да никак — молча соглашаюсь.

— Неужели все знакомые мужчины объясняются тебе в любви?

Ардита кивнула:

— А что такого? Вся жизнь — это движение к одной-единственной фразе: «Я тебя люблю» — и обратно.

Карлайл расхохотался и сел на прежнее место.

— Не в бровь, а в глаз. Это... это неплохо. Сама придумала?

— Сама, точнее, выяснила опытным путем. Глубокого смысла здесь нет. Остроумно, не более.

— Такие замечания, — помрачнел он, — типичны для вашего круга.

— Ох, — досадливо перебила она, — избавь меня от лекций про элиту. Не доверяю тем, кого в такую рань тянет философствовать. Это как выпивка к завтраку, начальная стадия помешательства. Утром нужно выспаться, искупаться и ни о чем не думать.

Минут через десять яхта развернулась по широкой дуге, будто готовясь причалить к острову с севера.

— Что-то здесь не то, — засомневалась Ардита. — У скалы бросить якорь невозможно.

Теперь они направлялись прямо к утесу высотой, наверное, в тридцать метров, если не больше, и, лишь когда до него оставалось метров пятнадцать, Ардита увидела их цель. От восторга она захлопала в ладоши. В скале была расщелина, полностью скрытая причудливым каменным козырьком; туда и устремилась яхта, а потом на самом малом ходу прошла узкой, кристально чистой протокой меж двух гигантских серых стен. Их встретил маленький золотисто-зеленый мир, где они и бросили якорь в сверкающей лагуне, окруженной невысокими пальмами, — это напоминало сооруженный детьми город на песке: зеркальце-озеро, прутьики-деревья.

— Недурно, разрази меня гром! — изумился Карлайл. — Этот чертяка-малыш знает, куда податься в здешних водах!

Его ликование оказалось заразительным; Ардита тоже пришла в восторг:

— Идеальное прибежище!

— Это уж точно! Такие острова только в книжках бывают.

В золотистое озеро направилась лодка, которая и доставила их на берег.

— Пошли, — сказал Карлайл, утопая ногами в мокром песке, — сходим на разведку.

За кромкой пальм во все стороны раскинулась примерно на милю песчаная равнина. Они двинулись к югу и, пробравшись сквозь узкую полосу тропических зарослей, вышли на девственный жемчужно-серый пляж, где Ардита сбросила свои коричневые туфли для гольфа — носки она, по всей видимости, не признавала — и пошла босиком по воде. Затем они не спеша вернулись на яхту, а там неугомонный Бейб уже приготовил им обед. Помимо этого, он выставил дозор на северной вершине утеса, хотя и был уверен, что вход в расщелину по большому счету никому не известен, тем более что остров, по его сведениям, даже не значился на морских картах.

— А как он называется, этот остров? — поинтересовалась Ардита.

— Да никак. По мне — остров, и все тут.

Ближе к вечеру они расположились среди гигантских валунов на вершине утеса, и Карлайл туманно изложил ей свой план действий. Он не сомневался, что на них уже идет охота. Чистая выручка от аферы, которую он сумел повернуть, но по-прежнему держал в тайне, приближалась, по его расчетам, к миллиону долларов. Он хотел отсидеться там примерно с месяца, а потом, избегая судоходных путей, двинуться в южном направлении, обогнуть мыс Горн и взять курс на перуанский порт Кальяо. Все заботы о топливе и провизии

возлагались на Бейба, который бороздил эти воды, как считалось, в самых разных качествах: от юнги на кофейном сухогрузе и фактически до первого штурмана бразильского пиратского судна, чей капитан давным-давно был вздернут на рее.

— Будь он белым, стал бы властелином всей Южной Америки, — со значением добавил Карлайл. — Букер Т. Вашингтон¹ даже близко к нему не стоял. Наш малыш унаследовал смекалку всех племен и народов, что были у него в роду, а таких наберется не менее полудюжины, голову даю на отсечение. Меня он боготворит, потому что я единственный человек в мире, кто превзошел его в исполнении регтайма. Бывало, устроимся мы с ним на причале в нью-йоркской гавани — он с фаготом, я с гобоем — и давай наяривать в миноре тысячелетнюю африканскую гармонию, да так, что крысы взбегали по опорам, усаживались в кружок, пищали и подвывали, как собаки перед патефоном.

Ардита расхохоталась:

— Ну ты и заливаешь!

Карлайл ухмыльнулся:

— Да будь я проклят, если...

— А что ты собираешься делать в Кальяо? — перебила она.

— Наймусь матросом и отправлюсь в Индию. Из меня получится неплохой раджа. Честно. Потом куда-нибудь в Афганистан: куплю себе дворец и доброе имя, а лет через пять объявлюсь в Англии — с чужеземным говором и загадочным прошлым. Но прежде всего Индия. Знаешь, поговаривают, будто все золото мира потихоньку стекается обратно в Индию. Меня это заце-

¹ Букер Т. Вашингтон (1856–1915) — американский просветитель, публицист, оратор, советник президентов-республиканцев. Его отец был белым, а мать — чернокожей рабыней. С 1890 по 1915 год Букер Т. Вашингтон оставался признанным лидером афроамериканского сообщества.

пило. Опять же, мне нужен досуг, чтобы читать, и как можно больше.

— Ну а потом?

— А потом, — ответил он с вызовом, — настанет черед элитарности. Смейся-смейся, только признай, что я, по крайней мере, знаю, чего хочу, — а ты, подозреваю, о себе этого сказать не можешь.

— Ну почему же? — возразила Ардита, доставая из кармана портсигар. — До встречи с тобой я как раз переполошила всех друзей и родных, потому что твердо знала, куда стремилась.

— И куда же?

— К одному человеку.

Он вздрогнул:

— Хочешь сказать, ты была помолвлена?

— В некотором роде. Если бы не твое появление, я бы вчера вечером — как давно это было! — улизнула на берег и махнула к нему в Палм-Бич. Там меня ждет браслет, некогда принадлежавший российской императрице Екатерине. Только не надо бурчать про элитарность, — быстро оговорила она. — Этот человек привлек меня тем, что наделен воображением и имеет смелость держаться собственных принципов.

— Но твои близкие его не одобряли, верно?

— У меня близких — раз-два и обчелся: скудоумный дядюшка и безголовая тетка. Так вот, этот человек, похоже, впутался в какую-то историю с рыжей Мими, фамилию не помню; из этого раздули целый скандал — он сам рассказывал, а мне мужчины не лгут, да я и не интересовалась его прошлым: для меня имело значение только будущее. А с этим забот не предвиделось. Когда мужчина в меня влюблен, он не ищет развлечений на стороне. Я сказала, чтобы он немедленно ее бросил, и он послушался.

— Я ревную, — нахмурился Карлайл, но тут же рассмехался. — Думаю, придется тебе идти с нами до Калья. Там я снабжу тебя деньгами и отправлю в Штаты.

У тебя будет достаточно времени, чтобы поразмыслить насчет этого человека.

— Не разговаривай со мной в таком тоне! — вспыхнула Ардита. — Терпеть не могу поучений! Ясно тебе?

Он хмыкнул и тут же неловко осекся: ее ледяной гнев, казалось, загнал его в угол и пригвоздил к месту.

— Прости, — неуверенно выговорил он.

— И нечего извиняться! Терпеть не могу мужчин, которые по-мужски скупно говорят «прости». Замолчи — и все!

Повисла пауза; Карлайл счел ее весьма неловкой, тогда как Ардита, похоже, ничего не заметила: она удовлетворенно затягивалась сигаретой, вглядываясь в сверкающее море. Вскоре она взобралась на плоский камень, легла на живот и стала смотреть вниз. Наблюдая за ней, Карлайл подумал, что девушка эта, как видно, вообще не способна выглядеть неуклюжей.

— Ой, смотри-ка! — воскликнула она. — Внизу уступы, да какое множество! Как широкая лестница.

Он лег рядом, и они стали вместе смотреть вниз с головокружительной высоты.

— Сегодня ночью пойдем купаться, — радовалась она. — При луне.

— В воду лучше заходить с другой стороны, где песок.

— Ну нет. Я люблю нырять. Ты можешь взять плавки моего дяди, только они как чехол на танк, потому что дядя сильно обрюзг. А у меня с собой есть купальный костюм, который приводил в трепет местную публику на всем атлантическом побережье, от Биддефорда до Сент-Огастина¹.

¹ *Биддефорд* — город в штате Мэн, на берегу залива Сакко. *Сент-Огастин* — город в северо-восточной части штата Флорида; известен, в частности, тем, что в городской тюрьме там был заточен Оцеола, вождь семинолов.

— Ты прямо акула.

— Да, плавать умею. Но выгляжу не в пример симпатичнее. Прошлым летом один скульптор на курорте близ Нью-Йорка оценил мои лодыжки в пятьсот долларов.

Видимо, это сообщение не требовало ответа, и Карлайл промолчал, позволив себе лишь деликатную внутреннюю улыбку.

V

Когда тьма стала подкрадываться к ним серебристо-голубой тенью, они прошли на веслах по мерцающей протоке, привязали лодку к скалистому выступу и полезли вверх. Первая широкая площадка оказалась на высоте футов десяти — будто самой природой созданная для прыжков в воду. Они посидели в ярком лунном свете, наблюдая за непрерывным движением вод, которые теперь присмирели, потому что начался отлив.

— Тебе хорошо? — неожиданно спросил он.

Ардита кивнула.

— На море мне всегда хорошо. Знаешь, — продолжала она, — меня весь день преследует мысль, что мы с тобой немного похожи. Оба — бунтари, только по разным причинам. Два года назад, когда мне только-только исполнилось восемнадцать, а тебе...

— Двадцать пять.

— ...мы оба, по общепринятым меркам, добились успеха. Я была совершенно фантастической дебютанткой, ты — преуспевающим музыкантом, только что получившим офицерское звание...

— Произведен в джентльмены решением конгресса, — иронично вставил он.

— Пусть так, но каждый устроился в этой жизни. Если шипы у нас не обломались, то по крайней мере

сгладились. Но в глубине души каждому из нас чего-то не хватало для счастья. Сама не знаю, чего мне хотелось. Меняла поклонников, суежилась, дергалась, от месяца к месяцу все больше упрячилась и злилась. Взяла привычку забиваться в угол, втягивать щеки — думала, рехнусь; меня преследовало жуткое чувство быстротечности жизни. Хотелось всего сразу и сейчас, сейчас, сейчас! Казалось бы, красивая... я ведь красивая, правда?

— Правда, — осторожно согласился Карлайл.

Ардита вдруг вскочила:

— Подожди-ка. Надо попробовать это восхитительное море.

Став на край утеса, она прыгнула, в полете сложила пополам, тут же распрямилась и безупречным клинком вошла в воду.

Вскоре до него долетел ее голос:

— Так вот, все дни, а иногда и ночи напролет я читала. Стала презирать высший свет...

— Поднимайся, — перебил он. — Чем ты там занимаешься?

— Лежу на спине, и все. Через минуту буду с тобой. Позволь мне досказать. Меня забавляло только одно — шокировать окружающих: могла приехать на маскарад в самом немыслимом и самом прелестном костюме, появиться на людях в обществе главного ловецаса Нью-Йорка, ввязаться в какую-нибудь рискованную, отчаянную авантюру.

К ее голосу примешивался плеск воды, но вскоре до Карлайла донеслось прерывистое дыхание — Ардита карабкалась на утес.

— Иди купаться! — позвала она.

Карлайл послушно встал и тоже нырнул. Выплыв на поверхность, он, мокрый, сразу выбрался на камни, но Ардиты нигде не было; охваченный мгновенным

ужасом, он услышал ее легкий смех с верхнего уступа, футах в десяти. Он вскарабкался к ней, и они немного посидели молча, обхватив колени и переводя дыхание после крутого подъема.

— Мои родственники дошли до ручки, — неожиданно продолжила она. — Хотели поскорее выдать меня замуж. А я, когда почувствовала, что жизнь — пустая штука, нашла для себя... — она торжествующе стрельнула глазами в небо, — нашла для себя кое-что!

Карлайл не торопил, и она выпалила:

— Смелость, только и всего; смелость как жизненный принцип, от которого нельзя отступать. Тогда-то у меня и появилась твердая вера в себя. Мне стало ясно, что все мои кумиры прошлых лет увлекали меня именно проявлениями смелости. В житейских ситуациях я искала только смелость. Вот, например, в профессиональном боксе: человек избит, окровавлен, но все равно поднимается с ринга, хоть и знает, что пощады не будет; я требовала, чтобы поклонники водили меня в бойцовский клуб; куртизанкой проплывала через этот гадюшник, смотрела на толпу как на грязь под ногами, что хотела, то и делала, плевала на чужое мнение, во всем потакала себе, чтобы умереть так, как сама задумала... У тебя закурить есть?

Он молча протянул ей сигарету и поднес зажигалку.

— И все равно, — продолжила Ардита, — мужчины — и юнцы, и старики — ходили за мной табунами: они по большей части не могли сравниться со мной ни умом, ни положением, но тем не менее все жаждали меня заполучить — прибрать к рукам этот необыкновенный, гордый ореол, которым я себя окружила. Ты меня понимаешь?

— Наверное. Ты всегда выходила победительницей и никогда не извинялась.

— Ни разу!

Она стала у кромки, на миг замерла распятием на фоне неба, потом описала в воздухе темную параболу и, улетев вниз футов на двадцать, без малейшего всплеска прорезала воду между двумя серебристыми гребешками.

И вновь ее голос поплыл вверх из бездны:

— А смелость позволяла мне пробиваться сквозь унылое серое марево и подниматься не только над людьми и обстоятельствами, но и над серостью самой жизни. Для познания ценности вечного и цены преходящего.

Она уже карабкалась на утес, и по завершении этого монолога рядом с Кертисом возникла ее голова с мокрыми соломенными волосами, распавшимися на прямой пробор и отброшенными назад.

— Так-то оно так... — усомнился Карлайл. — Можешь называть себя смелой, но твоя смелость, если вдуматься, досталась тебе по праву рождения. Своеволие у тебя в крови. А на меня порой нападет такая тоска, что даже смелость видится пустой и безжизненной.

Ардита сидела у кромки, обхватив колени и рассеянно глядя на белую луну; Кертис находился чуть поодаль: он замер в нише, как придуманный бог в алтаре.

— Не хочу строить из себя Поллианну¹, — начала Ардита, — но ты не до конца меня понимаешь. Моя смелость — это вера: вера в собственную стойкость... в то, что радость вернется, что будет еще надежда, искренность... А пока этого не произошло, мне думается, надо сжать губы, вздернуть подбородок, широко раскрыть глаза — и обойтись без глупых улыбок. Я ведь много раз обжигалась и не ныла, хотя женщины обжигаются куда больше, чем мужчины.

¹ Героиня одноименного романа (1913) американской писательницы Элеанор Портер (1868–1920), вечная оптимистка и утешительница. В логике примирение противоборствующих мнений получило название принципа Поллианны.

— А вдруг, — предположил Карлайл, — радости с надеждами слегка припозднятся, а занавес уже опустится для тебя навеки?

Ардита встала, подошла к гранитной стене и с усилием взобралась на следующий уступ, футов на десять — пятнадцать выше.

— В таком случае, — откликнулась она, — я уйду непобежденной!

— Не вздумай оттуда нырять! Спину сломаешь, — быстро проговорил он.

Она расхохоталась:

— Кто, я?

Неспешно раскинув руки, она замерла, как лебедь, и сердце Карлайла переполнила теплая, лучистая гордость за это совершенство юности.

— Мы парим, как на крыльях, по черному воздуху, — крикнула она сверху, — а ноги у нас вытянуты, словно дельфиний хвост, и нам кажется, что до этого серебра еще лететь и лететь куда-то вниз, но вдруг оно принимает нас в свои теплые объятия, а волны покрывают ласками и поцелуями.

С этими словами Ардита оторвалась от скалы, и у Карлайла перехватило дыхание. Он только теперь сообразил, что прыгнула она футов с сорока. Прошла целая вечность, пока он не услышал короткого всплеска, — это она вошла в море.

Когда до его настороженного слуха добежал вверх по отвесной скале ручеек ее смеха, у Карлайла вырвался радостный вздох облегчения, и в этот миг ему стало ясно, что он полюбил.

VI

Время без всякого умысла подарило им три заката. Когда солнце через час после первой зари пролилось в иллюминатор, Ардита бодро вскочила и, натянув

СОДЕРЖАНИЕ

Прибрежный пират. <i>Перевод Е. Петровой</i>	5
Голова и плечи. <i>Перевод А. Глебовской</i>	45
Благословение. <i>Перевод А. Глебовской</i>	80
Четыре затрешины. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	102
Малыши в лесу. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	124
Дебютантка. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	136
Популярная девушка. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	157
Пара на медяк. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	217
Джеллибин. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	236
Задняя половина верблюда. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	262
Фаянсовое и розовое. <i>Перевод С. Сухарева</i>	297
Тарквиний из Чипсайда. <i>Перевод С. Сухарева</i>	311
«О, Рыжеволосая Ведьма!». <i>Перевод С. Сухарева</i>	322
Мистер Ики. <i>Перевод С. Сухарева</i>	365
Джемина, или Девушка с гор. <i>Перевод С. Сухарева</i>	375

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Издержки хорошего воспитания : рассказы / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. Л. Бриловой, А. Глебовской, Е. Калявиной и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-06177-4

Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть. Предлагаемая вашему вниманию книга — уже вторая из нескольких запланированных к изданию, после «Новых мелодий печальных оркестров», — призвана исправить это досадное упущение. Перед вами пятнадцать то смешных, то грустных, но неизменно блестящих историй от признанного мастера тонкого психологизма. И что немаловажно — снова в блестящих переводах.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание
ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
ИЗДЕРЖКИ ХОРОШЕГО ВОСПИТАНИЯ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Ирина Киселева, Вера Дроздова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 05.10.2018. Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.aoompr.ru, www.aoompr.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-АКВ-14151-07-R